

Л. В. Балашова L. V. Balashova
Саратов, Россия Saratov, Russia

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
НАЧАЛА XXI В.**

**IMPLEMENTATION OF THE CONCEPTS
“FRIEND OR FOE” IN RUSSIAN
POLITICAL DISCOURSE
IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY**

Аннотация. Анализируется концептуальная структура оппозиции «свой — чужой» в программных документах и массмедиа коммунистической и либеральной оппозиции в современной России; выявляется общее и различное в языковой репрезентации антонимических концептов.

Abstract. The author analyzes the conceptual structure of the opposition «friend or foe» in the policy documents and mass media of the Communist and Liberal opposition in contemporary Russia; identifies also the common and the different in language representation of antonymous concepts.

Ключевые слова: политический дискурс; концепт; русский язык.

Key words: political discourse; a concept; the Russian language.

Сведения об авторе: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Balashova Lubov Victorovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Place of employment: Saratov State University n. a. N. G. Chernyshevsky.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., к. 207.
e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Как справедливо замечают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008: 16—17], «политическая лингвистика ... все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира». Вместе с тем актуальным остается высказывание Е. И. Шейгал [Шейгал 2004: 31] о том, что современный политический дискурс представляет собой «непрекращающийся диалог — поединок между „партией власти“ и „оппозицией“, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление». Большую роль в этом процессе играют базовые для данного вида коммуникации концепты, в частности универсальная оппозиция «свой — чужой» (ср.: [Бойко 2005; Выходцева 2006; Красильникова 2005; Нехорошева 2012; Петрова 2006; Пудова 2009; Санцевич 2003; Сахно 1991]).

В основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «наше» / «свое» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [Лотман 1996: 175], причем подобное противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [Степанов 1997: 472]. Особую роль данный феномен играет в самоидентификации различных политических сил в современной России (ср.: [Бутова, Кучинская 2006; Бушев 2009; Синельнико-

ва 2010]), в частности оппозиционных (коммунистических и либеральных) партий, сформировавшихся в конце XX — начале XXI в. (КПРФ — правопреемница КПСС; «Союз правых сил» — с 1999 по 2008 г.; «Яблоко» — с 1995 г.; «Гражданская сила» — с 2007 г.; «Свободная Россия» — с 2003 по 2008 г.; «Гражданская платформа» — с 2012 г.).

Базовые информационно и структурно значимые признаки концептов «свой — чужой» достаточно полно очерчены в программных документах указанных партий, поскольку каждое политическое движение для самоидентификации стремится четко определить своих сторонников и противников, а также те социальные группы, защита интересов которых является его первоочередной задачей.

Как показал анализ электронных вариантов программ оппозиционных партий [<http://www.kprf.ru>; <http://www.pioss.net/blog/party/868.html>; <http://www.yabloko.ru>; <http://www.gr-sila.ru>; http://www.vk.com/topic-244233_90_24381865; http://www.old.civilplatform.ru/page/programma_partii/], ядерные признаки «своих» и «чужих» являются общими для коммунистов и либералов, хотя концептуальное наполнение этих компонентов может быть различным.

Так, концепт «свой» включает следующие признаки:

- приверженность определенной идеоло-

гии (у КПРФ — идея социализма и коммунизма: «возрождение социализма в России», «устранение эксплуатации человека человеком», «социальное равенство и справедливость»; у либералов — демократическим идеалам: «соблюдение основных демократических прав и свобод», «ограничение влияния государственной власти в сфере самоуправления, экономики и др.», «гарантия свободного существования партий и их работы»);

- ориентацию на определенную социальную группу современного российского общества (коммунисты опираются на рабочий класс, трудящихся, тех, кто «собственным трудом создает материальные и духовные ценности, оказывают населению жизненно значимые услуги»; либералы — на «российскую интеллигенцию и нарождающийся средний класс», на «бизнес-сообщество», на тех, «кто готов брать на себя ответственность за свои поступки, «на людей, их интеллект, свободу и частную инициативу»).

Основополагающим признаком **концепта «чужой»** для оппозиционных партий, согласно их программам, становится не идеологический, а узкопартийный признак — принадлежность к властным структурам и правящей партии («Единая Россия»). Остальные концептуальные признаки являются производными от базового, причем они во многом едины для коммунистов и либералов:

- деструктивность деятельности власти: «...политика нынешней власти ведет страну к новому экономическому, политическому и социальному кризису» («Союз правых сил»); «...это путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации» (КПРФ); «...логическим следствием такой политики становится деградация систем образования и здравоохранения — ключевых индустрий в современном обществе, изоляционизм, нарастание межнациональных и общественных противоречий» («Гражданская платформа»);

- недееспособность, т. е. неспособность и нежелание решить насущные проблемы страны: «власть скрывает свое нежелание поставить государство на службу конкретному человеку, проводить жизненно важные реформы, модернизировать экономику и политическую систему» («Гражданская платформа»);

- узкая социальная база, в интересах которой действует власть: обслуживание «интересов и воли крупной буржуазии, ее верхушки в лице олигархии», «преуспевающего меньшинства» (КПРФ); обслуживание «интересов узкой группы лиц» («Яблоко»), «обеспечение собственных интересов» («Гражданская платформа»), что ведет к

резкому обнищанию населения России и увеличению пропасти между богатыми и бедными.

Единственным концептуальным компонентом **чужого**, по которому оппозиционные партии придерживаются диаметрально противоположных взглядов, становится территориально-государственный признак — отношение к другим странам, прежде всего к так называемой западной цивилизации. Коммунисты резко противопоставляют себя США и их западноевропейским союзникам, включая последних в состав «чужих» (как «вдохновителей антисоветских сил в нашей стране») и видя в них прямую угрозу успешному развитию России. Для либералов, напротив, западные государства — своеобразный пример, на который необходимо ориентироваться («открыты миру и стремятся интегрироваться в глобальное социальное пространство» — «Гражданская платформа»), потенциальные «свои» (в зависимости от конкретных задач) для демократического блока партий и России в целом.

С точки зрения языковых средств, с помощью которых оппозиционные партии в программных документах выражают концепты **«свой — чужой»**, то это в основном терминологическая и экспрессивно нейтральная лексика. Вместе с тем уже здесь можно выделить, с одной стороны, употребление языковых, часто стертых метафор из общеязыковых концептуальных моделей, а с другой — достаточно активное (особенно в документах КПРФ) использование экспрессивных метафор из блока публицистических клише.

В частности, это концептуальная модель развития как пути (прогресс — движение вперед; деятельность правящей партии **чужих** — движение назад или в пропасть); концептуальная модель иерархической организации социума как противопоставление «верха» и «низа» или как социальной организации рабовладельческого/феодалного типа (ср.: **путь социального регресса; увеличение пропасти между богатыми и бедными; КПРФ борется против закабаления России**).

Анализ оппозиционных партийных масс-медиа за 2006—2013 гг. (газет «Правда», «Новая газета», «Правое дело», «Новые Известия», «Независимая газета», «Новейшие времена», публикаций на официальных сайтах партий КПРФ, «Гражданская сила», «Свободная Россия», «СПС», «Яблоко») [Правда; Новая газета; Союз правых сил; Новые известия; Независимая газета; Новейшие времена; Яблоко; Газета.ru; Гражданская платформа] показывает, что реализация исследуемых концептов во многом

опирается на базовые признаки программных документов партий, хотя здесь есть и определенная специфика.

Так, ядро концепта «свой» в современной оппозиционной прессе, как и в языке или политическом дискурсе в целом, как и в программных документах, составляют безобразные лексические единицы, семантика которых включает значение 'разделяющий взгляды, сторонник, член партии':

- репрезентант концепта — местоимение *свой* и члены этого гнезда, обычно в сочетании с гиперонимом *партия* или гипонимами-конкретизаторами (ср.: *Делать! Свою партию делать, чтобы было за кого голосовать; Конечно, все мы хотим успеха своей партии на предстоящих выборах*);

- местоименные (анафорические) варианты лексемы-репрезентанта — *мы, наши* и т. п., которые за счет грамматической категории числа актуализируют признаки 'многочисленность' и 'единство' (*Наша партия выступает с резкой критикой такой политики; Мы не боимся угроз; Мы хотим действовать. Потому что мы партия активных и ответственных людей; Мы — патриоты, но мы не готовы целыми днями смотреть телеканал „Звезда“, мы готовы работать во имя того, чтобы с Россией считались; мы настоящий признанный авторитет в международной политике, потому, что наши решения взвешены и продуманны; мы не агрессивны, но можем за себя постоять*);

- терминологические обозначения политических сил: *коммунисты, демократы, КПРФ, Яблоко, СПС, оппозиция* (обычно с конкретизирующим определением), *коммунистическая партия* и др. (*Не следует забывать, что Союз Правых Сил — один из наследников демократического движения конца 80-х — 90-х годов XX века; И только коммунисты противостоят этой антинародной власти; Эта критика интересна и заслуживает анализа лишь тем, что из нее лучше становится понятно, что есть наша оппозиция, хотя это и так секрета не представляет*). В редких случаях (преимущественно в СМИ партии «Гражданская платформа») в этой функции могут использоваться перифразы, указывающие на лидера партии: *партия Михаила Прохорова*;

- общеязыковые лексемы (в том числе стертые языковые метафоры), содержащие в своем значении компонент 'разделяющий взгляды, входящий в какую-либо организацию' — *сторонник, член, союзник, активист* — с местоименным или терминологическим конкретизатором (*Задача усложняется тем, что за последние годы многие*

наши искренние сторонники в нас разочаровались; В тех списках, которые мы сегодня будем рассматривать, на выборах в марте, есть не только члены СПС, есть люди, еще недавно состоявшие в других демократических партиях и сейчас являющиеся нашими партнерами и союзниками; Каждый коммунист, каждый сторонник партии призван стать агитатором, действующим в массах, распространителем партийной печати).

Околоядерную информационную зону концепта *свой* в оппозиционных массмедиа также составляет безобразная лексика, содержащая в семантической структуре компонент 'принадлежность к определенному классу и социальной группе общества', причем здесь уже обнаруживаются как общее, так и различное в коммунистической и либеральной прессе.

Независимо от политических пристрастий оппозиционные массмедиа используют члены парадигмы, характеризующие население по территориально-государственному признаку: *гражданин, россиянин, соотечественник*, — тем самым декларируя свою ориентацию на всех граждан России (*Перед нами поставлена задача добиться истинной свободы слова, свободы выбора и свободы действий граждан России; Но мы можем сделать жизнь своих сограждан немного легче*). Интересно, что в либеральной прессе этот признак регулярно сужается до жителя провинции/региона, поскольку данным партиям необходимо, с одной стороны, противопоставить себя властному «центру», а с другой — отмежеваться от критики коммунистов, обвиняющих либералов в элитарности, «столичной» ограниченности (*Всероссийская политическая партия „Свободная Россия“ является одной из немногих федеральных партий немосковского происхождения; Мы считаем себя особенной партией, вышедшей из регионов, созданной не по указке Кремля или губернатора*). Интересными представляются номинации, используемые «Гражданской платформой», — *настоящий россиянин, современные люди*, — в которых фактически население России делится на «правильных», «элитарных» (они-то и составляют потенциальных «своих») и «неправильных», «отсталых», которые, впрочем, обычно прямо не называются.

При обращении к гражданам других государств в реализации концепта *свой* обнаруживается достаточно четкая специфика. Для КПРФ «своими» являются жители бывшего СССР и стран соцлагеря, а также современных прокоммунистических режимов

(Из этих двух миллионов около 350 тысяч — выходцы из республик бывшего СССР, примерно 250 тысяч из бывших соцстран Восточной Европы; Это враждебный вызов русскому народу, народам коммунистических стран — Кубы, Китая, Вьетнама, КНДР, а также стран социалистической ориентации). В либеральных массмедиа этот компонент концепта почти не реализуется, по-видимому, из тактических соображений: «Единая Россия» и КПРФ часто обвиняют либералов в «преклонении» перед Западом, поэтому либеральная пресса предпочитает прямо называть единомышленников и союзников исключительно в пределах РФ.

Общее и различное обнаруживается при реализации околядерного социального компонента. Независимо от приверженности коммунистическим или либеральным взглядам, в число «своих» включаются представители народных масс, для чего, наряду с обобщенными номинациями (*народ, трудящиеся*), употребляется достаточно большое число конкретизаторов, характеризующих практически все основные возрастные, профессиональные, социальные группы современной России (за исключением «олигархов» и «бюрократической верхушки»): *ветераны, пенсионеры, молодежь, студенты, учителя, врачи* и др. (даже «Гражданская платформа», лидером которой является М. Прохоров, один из самых богатых людей в РФ, использует нейтральную номинацию *бизнес-сообщество*). Тем самым оппозиционные партии стремятся одновременно предельно расширить блок «своих» и назвать все социальные слои, которые традиционно активно участвуют в голосовании.

К специфическим способам реализации этой части околядерной зоны концепта *свой* можно отнести регулярное использование коммунистической прессой традиционной с советских времен социальной лексики: *пролетариат, рабочий класс*, — а также типичных для советской пропаганды перифраз: *человек труда, рабочий люд, простые люди* (ср.: *российский рабочий люд, способный подняться на борьбу против „новых русских“; в интересах трудящихся масс; рабочее движение в регионе*). В либеральной прессе таким специфическим репрезентантом становится социальный термин *средний класс* или его терминологические и контекстуальные синонимы, например: *бизнес-сообщество* (ср.: *Опирается „Свободная Россия“ на поддержку малого и среднего бизнеса, а не олигархического капитала; Партия обещает выразить интересы среднего класса — представи-*

телей малого и среднего бизнеса, российских производителей, интеллигенции и молодежи; ...стимулировать оказание социальных услуг негосударственными организациями и бизнес-сообществом).

Таким образом, при реализации ядерной и околядерной информационной зоны концепта *свой* коммунистическая и либеральная пресса используют преимущественно безобразную, часто терминологическую лексику, причем ее состав является общим для оппозиционных массмедиа в целом.

Несколько иное положение наблюдается на периферии концепта *свой*. Средства его реализации в современной прессе отмечены не только большим разнообразием, но ярко выраженной оценочностью. Именно этот компонент концепта позволяет партиям экспрессивно характеризовать цели и задачи, своих сторонников и единомышленников, причем коммунисты и либералы используют специфические модели.

Так, в коммунистических СМИ экспрессивные переносы наиболее регулярно описывают бедственное положение трудящихся (как социальной базы и основного электората КПРФ).

Для актуализации таких когнитивных компонентов концепта *свой*, как 'низкий уровень доходов' в сочетании с признаком 'эксплуатируемость', журналисты-коммунисты часто проводят аналогию между современной Россией и феодально-рабовладельческим обществом, фашистской Германией, а также сравнивают российские реалии с расовой дискриминацией в США прошлых веков (*Нечто подобное мы уже давно видим практически во всех больших городах, когда малоимущие попросту выселяются в гетто на окраины; Это заставляет людей работать на рабских условиях, потому что других условий „свободный“ рынок рабочему не дает; Поэтому, аналогия с рабским трудом имеет основания; Нельзя примирить рабов с хозяевами; Собравшиеся держали в руках плакаты: „Руководство „Антолина“ к ответу!“, „Верните людям работу!“, „Требуем соблюдения трудовых прав!“, „Министерство труда или министерство рабского труда?“; Четвертая каста — гастарбайтеры, то есть рабы, в основном из Средней Азии*).

Не менее регулярно с этой целью используется социально-имущественная метафорическая модель, в которой народные массы ассоциируются с жертвами грабежа и разбоя: *<Власть позволяет> горстке продох купаться в роскоши за счет ограбленного и униженного народа; Опасаясь недовольства жителей, чиновники действуют подобно грабителям, заматающим сле-*

ды преступления; Как будут отвечать фармацевтические и аптечные компании за грабеж больных людей?

В коммунистической прессе фиксируется еще одна метафорическая модель — зооморфная, в рамках которой народным массам отведена роль бессловесного скота, который доят или готовят на убой. Показательно, что этот образ используется только при указании на отношение к народу со стороны политических соперников — партии власти или либеральной оппозиции — и дается преимущественно в кавычках: *Рабочие на заводе бесправны, исключены из решения вопросов, касающихся условий их работы и оплаты, и держатся за рабочую скотину, быдло; Люди ищут убежище в подвалах и в подземных городах. Так им власть капитала обеспечивает скотскую жизнь; „Офисный планктон“ и „быдло“ — таков лексикон современных госчиновников; „Демократическая элита“ позволяла себе называть народ **быдлом**; А дети простых людей <учатся> — в заведениях, которые одна недалекая и хамоватая певица назвала „**быдлчими** школами“; Подразумевается, что общество у нас поделено на касты. Их три: элита, средний класс и бомжи (**быдло**).*

Легко заметить, что современные коммунистические массмедиа используют традиционные модели и конкретные образы, фиксируемые еще в большевистской риторике конца XIX — начала XX в., а также в советской пропагандистской литературе. Это же свойство проявляется в метафорике, употребляемой для актуализации такого концептуального признака **своего**, как 'предреволюционные настроения', 'готовность к решительным действиям'. Самыми частотными становятся военная и деструктивная метафорические модели (*И этими сражениями будут не уличные стычки, противостояние камней слезоточивому газу, и не всеобщие стачки мирного характера, и не стихийные выступления разъяренного народа, способные в два-три дня **разнести в щепы** репрессивные структуры правящих олигархий; Не иллюзорное, парламентское большинство, а реально **борющееся** сознательное, активное, пусть пока меньшинство способно выполнить роль **авангарда** движения; Мы были убеждены, что для **генерального сражения** сумеем **развернуть все свои** организационно-политические возможности и **ресурсы**).*

Либеральные массмедиа при реализации концепта **свой** реже используют экспрессивно-образные средства, но если такие

встречаются, то они обычно относятся не к тем концептуальным моделям, что в коммунистических СМИ.

Так, в рамках социально-иерархической метафорической модели «своим» отводится роль не угнетенных классов, а, напротив, привилегированных слоев, и этот образ относится не ко всем народным массам, а к интеллигенции и среднему классу (*Интеллигенция — это **элита** России; Под интеллигенцией я понимаю **элиту** страны, творческих и активных людей: и художественно-творческую интеллигенцию, и врачей, и преподавателей вузов, и учителей, и ученых, и, кстати говоря, управленцев — „белых воротничков“; Вы **элита**, вы интеллектуалы*). За счет этого метафорического образа актуализируется признак 'интеллектуальное/моральное превосходство', а не 'униженное положение', как в коммунистической прессе.

В то же время в последние годы наблюдается своеобразная терминологизация лексемы **элита**, которая все чаще характеризует социально-экономические и политические силы, наделенные реальной властью в обществе в целом и в отдельных регионах. В связи с этим оценка данной группы может меняться в зависимости от того, чьи интересы (с точки зрения оппозиционной партии) выражает эта группа, но концептуальные признаки 'сила' и 'власть' она не утрачивает, в отличие от «интеллектуальной элиты», в концептуальной структуре которой данные компоненты попросту отсутствуют (ср.: *Я уже писал о расколе **элит** как одном из главных итогов года; Эксперты отмечают недовольство местных **элит** „варягом“, что повышает шансы прохождения партии; ...отток представителей региональных и местных **элит** из практически всех системных партий*).

Показательно, что при характеристике политических методов борьбы «своих» либеральная пресса использует не столько военную и деструктивную модели, сколько модель пути (последовательного продвижения вперед) и флористическую модель развития (*Но нашей особенностью всегда было то, что мы указывали конкретные и реальные, при этом часто **небыстрые** и **нелегкие** пути решения этих социальных проблем, **сторонясь** митинговых лозунгов; ...вы узнаете, как сравнительно новая всероссийская партия, **выросшая** из региональной, собирается действовать дальше*).

Тем самым в концепте **свой** актуализируется не признак 'активность, решительность', а признаки 'стабильность' и 'последовательность'. Для характеристики предвы-

борной кампании может использоваться и более «агрессивная» модель, но это модель спортивного, а не военного противостояния (ср.: *Наша партия сможет переиграть многие федеральные партии с солидной историей*). Однако в последние годы (особенно после митингов 2012 г.) милитаристская метафора и в либеральной прессе используется достаточно регулярно — ср. лозунг С. Митрохина на выборах мера Москвы в 2013 г.: **ОТСТОИМ МОСКВУ, ОТСТОИМ И РОССИЮ!**

Таким образом, именно с помощью концептуальных метафор оппозиционные массмедиа актуализируют принципиально значимые концептуальные признаки, приписываемые каждой из партий своим сторонникам.

Аналогичную картину можно наблюдать и в отношении концепта «чужой», однако в его реализации есть и ряд специфических особенностей.

Так, в статистическом плане из 266 языковых реализаций концепта **чужой** в оппозиционных массмедиа в коммунистической прессе данный концепт представлен 176 реализациями, в то время как в либеральной — лишь 90. Тем самым можно сделать предположение о его большей релевантности для коммунистов, нежели чем для либералов, поскольку основной стратегией привлечения на свою сторону новых сторонников и избирателей КПРФ избирает «очернение» оппонентов, тогда как либеральная оппозиция в большей степени ориентирована не на «черный пиар», а на анализ общей обстановки в стране, разъяснение собственной идеологии и политических установок (впрочем, с 2011 г. многие либеральные массмедиа в этом отношении занимают более категоричную позицию, так же как и КПРФ).

Ядро концепта **чужой** представлено в оппозиционной прессе с помощью нескольких семантических парадигм, как общих для всех типов партийных СМИ и языка в целом, так и специфичных для политического типа издания.

Репрезентант концепта — местоимение **чужой**, а также члены его словообразовательного гнезда и близкие по семантике местоимения (например, *другой*) — в оппозиционной прессе представлены единичными примерами; немного активнее СМИ используют адъектив *чуждый* (ср.: *„Свободная Россия“, в отличие от других правых партий, заявляет о поддержке идей президента России; А просто работать в правительстве для реализации чуждых идей — нет; Причиной тому (об отказе М. Прохорова участвовать в выборах мэра Москвы) в партии называют нежелание играть по чужим пра-*

вилам. У других политических игроков решение „Гражданской платформы“ вызвало недоумение). Возможно, это связано со стремлением конкретизировать «чуждые» силы, указать на их отличительные (негативные) признаки.

Местоименные (анафорические) варианты лексемы-репрезентанта (обычно в форме множественного числа: *они, их, те*), актуализирующие пространственно-идеологический признак 'отчужденности, удаленности' политических противников, используются достаточно активно (ср.: *Ведь большинство депутатов-единороссов отчитываются исключительно о социальной работе в округе, а о том, как и за какие законы они голосовали, парламентарии предпочитают не распространяться; Просто помнить — это наша страна, а не абстрактных „их“, тех, которые „наверху“*).

Не менее регулярно при репрезентации концепта **чужой** употребляются терминологические обозначения политических сил («*Единая Россия*», *единороссы*, *парламентское большинство*); их контекстные синонимы — гипероним *власть*, высшие должности в чиновничьей иерархии (*губернатор, мэр*) и антропонимы (прежде всего — *Путин*, реже — другие его сторонники). Данная парадигма насчитывает более 40 лексических единиц, чем подчеркивается, что главным оппонентом оппозиция считает власть (*Фракция решила не принимать участия в этой „фиктивной процедуре“, чтобы „не помогать партии власти делать хорошую мину при тоталитарной игре“; Никто из сторонников Путина никуда не выйдет — они будут сидеть тихо, как мыши, и ждать приказаний от нового начальства; Губернатор Валентина Матвиенко призвала „сохранить преемственность власти“ и „выбрать команду“ — что с учетом главного лозунга протестируемой ею партии „„Единая Россия“ — единая команда“ было очевидной агитацией, которая в субботу запрещена; К этому толкают наши Власти; Никак не может губернатор представить себе, что горожане способны бесплатно выйти на улицы и кричать „Матвиенко, уходи!“*).

Регулярным репрезентантом концепта **чужой** является зоосимвол партии «Единая Россия» — медведь (*медведи*), который в оппозиционных массмедиа воспринимается не терминологически, а экспрессивно (в рамках зооморфной метафорической модели), например: *По себе, быть может, судит, да по своим верноподданным „медведям“; Ее кандидатура уже одобрена политсоветом псковской „Единой России“ и фракцией*

„медведей“ в псковском областном Собрании депутатов, а также губернатором области Михаилом Кузнецовым; А многие из тех, кто мог бы „вынести“ депутатов-медведей из городского парламента, остались дома и проголосовали ногами; ...создать высшую партийную школу, в которой „медведи“ могли бы повисить кругозор.

Значительно реже в оппозиционной прессе для реализации концепта **чужой** используются терминологические обозначения противников из оппозиционных партий (для коммунистов — «Яблоко», «СПС» «Гражданская платформа» и др., персоналии — Явлинский, Чубайс, Немцов, М. Прохоров и др.; для демократов — КПРФ, коммунисты, персоналии — Зюганов).

Кроме того, специфика концептуального наполнения **чужого** в партийных СМИ проявляется в том, каким образом происходит дифференциация оппонентов.

Так, в коммунистической прессе фиксируется специфический репрезентант — **демократы**, причем в сочетании с экспрессивно-оценочными эпитетами, нейтрализующими его языковую семантику 'приверженность демократическим идеалам', что регулярно подчеркивается также с помощью прагматической рамки — кавычек: *Его острые, полемические выступления в защиту социалистических завоеваний сразу сделали его опасным противником для рвавшихся к власти **вороватых „демократов“**; Напрасно **московские „демократы“** и их заокеанские хозяева пытаются убедить общественность в том, что современный мир является полем безраздельного господства Америки и пресловутых западных „ценностей“.*

В демократической прессе, напротив, дифференциация **своего/чужого** проводится также внутри демократического блока. В этом случае репрезентантами «чужих» становятся также «Яблоко», «СПС», персоналии — Явлинский, Чубайс, Немцов (в зависимости от партийной принадлежности журналиста). Это, например, ярко отражено в печатном органе «Свободной России» в период создания партии, когда для привлечения сторонников необходимо было противопоставить себя другим партиям правого фланга, что достигалось за счет терминологических в политическом дискурсе номинаций, а также обобщенных наименований, включающих в семантику компоненты 'оппонент', 'возможный противник' (*„Свободная Россия“, в отличие от **других правых партий**, заявляет о поддержке идей президента России; **Идеологические конкурен-***

ты — это все-таки именно „Яблоко“ и СПС; Причинами поражения СПС и „Яблока“, по оценкам ряда экспертов, стали отсутствие понятной идеологии, политическое банкротство лидеров и их неспособность к объединению). Показательно, что семантика репрезентантов (например, конкуренты) может прямо указывать не только на неоднородность правого фланга и несогласованность действий его участников, но и на причину этого — борьбу за электорат.

Интересно, что массмедиа «Гражданской платформы» занимают более гибкую позицию: *„Гражданская Платформа“, которая официально вступила на политическую арену менее года назад, показала, что пользуется большой поддержкой избирателей. Несмотря на, местами, многочисленные нарушения, давление со стороны местных властей и **оппонентов** — кандидаты от „Гражданской Платформы“ заняли лидирующие места и обогнали многих **своих конкурентов**; В ряде регионов партия будет готова развести кандидатов по округам с **близкими** по взглядам партиями, если у таковых окажутся более сильные кандидаты; Партия ведет **диалог** с правыми политическими силами о создании **единого списка одномандатников** на предстоящих выборах в Мосгордуму... Это „Демвыбор“, это „Правое дело“, это „Солидарность“, это /РПР-ПАРНАС, это „Яблоко“ и разные другие **мелкие партии**, которые просят в переговорный процесс.*

Еще более специфической представляется в оппозиционной прессе околоядерная зона концепта **чужой**. Более того, именно на этом уровне ярко проявляются различия в концептуальном наполнении исследуемого феномена коммунистами и либералами.

В коммунистической прессе концепт **чужой** интегрально представляет власть, правый политический фланг как внутри России, так и за рубежом. Отражением такого концептуального представления является употребление одних и тех же репрезентантов при характеристике каждой из этих политических сил. Сам принцип отбора лексических средств позволяет выявить основные характеризующие признаки исследуемого концепта с позиции КПРФ.

Во-первых, для коммунистов наиболее значимым концептуальным признаком **чужого** является социально-имущественный: 'материальное благополучие', 'принадлежность к миру крупного бизнеса', — причем репрезентанты, хотя и являются преимущественно терминами (*буржуазия, капиталист, олигарх, буржуа* — и сниженный синоним *буржуй*), включают данные компонен-

ты в ядерную зону своей семантической структуры. В тексте данные лексемы наделяются максимальной негативной экспрессией, подобно периферии концепта (*Такая политика по отношению к экономическим эмигрантам устраивает господствующий класс буржуазии; И те, и другие содержатся буржуазией, как заграничной, так отечественной; Буржуи больше всего боятся, что рабочие могут добиться выполнения своих требований; Так что, несмотря на развал Советского Союза, капиталисты во всем мире не могут спать спокойно; Олигархи мобилизуют на службу своему делу все возможности репрессивной машины, всю свою жестокость и всю свою демагогию; такое усиление было лишь на пользу правящим олигархическим группировкам; Нахождение олигархов у власти в итоге обернулось для страны колоссальными экономическими потерями*).

Во-вторых, в околоядерную зону **чужого** в коммунистической прессе включаются экспрессивные лексемы с ядерными семантическими компонентами 'привилегированное положение', 'использование наемной рабочей силы', 'присвоение результатов чужого труда' — *эксплуатация, господин, хозяин: Только коммунисты ратуют за интересы трудящихся, за подъем их борьбы против эксплуататоров, за социальное равенство; Сначала они из русских делают бедных, а затем защищая бедных, получают их голоса, чтобы самим жить отнюдь не бедно и защищать интересы уже зажавшихся господ; Поэтому хозяева предпринимают решительные действия для подавления протестов рабочих*.

В-третьих, в околоядерную зону включаются лексемы, актуализирующие социально-экономический признак 'западная цивилизация' — *капиталистические страны, империализм, США: Правящие группировки в капиталистических странах и поддерживающие их партии, чувствуя настроения масс, вынуждены лавировать, подстраиваться; Синтез наших стремлений к победе выглядит так: разрушение империализма посредством разрушения его главного оплота — имперского господства Соединенных Штатов Америки*.

В-четвертых, среди идеологических характеристик **чужого** («Единая Россия», правые партии и их идеологи) наиболее значимыми являются такие концептуальные признаки, как 'отказ от марксистско-ленинской идеологии', 'критика социалистического прошлого', для реализации которых используются лексемы с экспрессивно значимым префиксом *анти-* (*антисоветский, антисо-*

циалистический и т. п.), а также слова *противники, ненавистники*, причем обычно в сочетании с оценочными эпитетами: *Тогда никто, кроме кучки остервенелых зоологических антисоветчиков типа Сванидзе, темы ленинского Мавзолея не касался; Чтобы читатели не подумали, что мы голословны и сгущаем краски, мы приводим текст этой листовки в приложении № 1, которая составлялась, очевидно, страстными противниками социализма и советской власти; Пора сказать правду о ненавистниках Владимира Ильича, которые боятся его великих идей и сегодня, 82 года спустя после смерти вождя Великого Октября, основателя Советского государства*.

Таким образом, околоядерная зона концепта **чужой** в коммунистической прессе имеет ярко выраженную идеологически-пропагандистскую направленность (агитация против власти и демократической оппозиции) и эмоционально-экспрессивную насыщенность.

В отличие от коммунистической прессы, в либеральных массмедиа околоядерная зона концепта **чужой** почти не представлена. По-видимому, для этих изданий более характерна прямая номинация противников. Исключение составляет массмедиа «Свободной России», которая, стремясь противопоставить себя другим партиям правого фланга, использует два основных эпитета, актуализирующих «временной» признак: проявлением оппозиции **чужой** — *свой* является противопоставление *старый — молодой, старый — новый* (*К сожалению, „старые“ демократы — СПС и „Яблоко“ — доверия больше не вызывают*).

Периферия концепта **чужой** в оппозиционной прессе представлена разнообразными по семантике и по числу репрезентантами, реализующими несколько концептуальных метафорических моделей, специфичных для правых и левых.

В массмедиа КПРФ наиболее востребованными становятся зооморфная, криминальная и социально-иерархическая концептуальные метафоры.

В первом случае (зооморфная метафора) «чужие» исключаются из рядов людей и предстают в образах хищников, трупоедов, грызунов-вредителей или наедающей бока скотины: *В нынешнем обществе всегда найдутся особи с шакальими повадками: если за спиной реальная сила государства, они будут выслуживаться с наслаждением; Именно в хрущевские времена повылезали из своих кухонных нор наглые диссиденты; Сегодня вместо этого — разоренная промышленность, нищенская зарплата большинства тружеников, жирующие олигархи;*

Являясь выкорышами буржуазных тоталитарных режимов, <либералы> хотят направить людской гнев против тех, кто многие десятилетия был подлинным защитником народных интересов; К этому толкают наши власти и ожиревшее стадо хозяев, любящее топтаться по граблям и провоцирующее своими действиями ... адекватные действия активной части народа; Сейчас мощнейший производственный комплекс, созданный трудом и вдохновением народа, захвачен ненасытными олигархами.

Во втором случае (криминальная метафора) «чужие» предстают в образах воров, грабителей и убийц: *А кто посчитает убытки, которые несет страна от деятельности доморощенных олигархов, утопающих в роскоши, не желающих делиться награбленным?!; ...горстка грабителей, пройдох обманом присвоила чудовищные богатства, купается в роскоши за счет ограбленного и униженного народа; Выделены ресурсы — и вот уже бегут наперегонки в новую „единую“ мэры и губернаторы, разного масштаба грабители-нужники и неисчислимый чиновный люд; ...лозунг, который ежедневно поднимает на демонстрациях молодежь нашей страны: „Ни земли, ни воды убийцам народов!“*

В третьем случае (социально-иерархическая модель) за основу берется структура рабовладельческого общества или царской России. «Чужие» (власть и капитал) выступают в роли рабовладельцев, царей по отношению к «своим» (трудящимся). В то же время отношения внутри блока «чужих» строятся по образцу отношений барина-помещика (президент, Путин, власть, капитал, западные буржуазные режимы) и его крепостной дворни («Единая Россия» и все оппозиционеры, кроме коммунистов, чиновники), например: *Он задает Путину и его придворной челяди, от „единороссов“ до политического шута Жириновского, прямой вопрос: „Господа, что вы сделали за годы своего сидения во власти?“; В нашем случае лакеи капитала решили совместно выступить против расизма и ксенофобии; И только коммунисты противостоят этой политической и идеологической обслуге буржуазного класса.*

Таким образом, коммунисты с помощью экспрессивной периферии формируют в сознании своих единомышленников и избирателей прежде всего личностный (а не идеологический или социально-политический) образ **чужого** — абсолютно безнравственного человека. Однако характерным концептуальным признаком становится не только

‘цинизм’, ‘безнравственность’, ‘отсутствие чувства собственного достоинства’, но и ‘малочисленность’. Не случайно в коммунистической прессе используются по отношению к оппонентам и власти экспрессивные метафоры типа **кучка антисоветчиков**, **горстка империалистических наймитов**, **горстка нуворишей**.

В массмедиа правой оппозиции с помощью метафор экспрессивно-оценочной характеристике подвергаются две группы «чужих» — властные структуры и «Единая Россия», а также конкурирующие демократические партии, причем в целом система используемых концептуальных моделей не столь агрессивна, как в коммунистических изданиях.

Самой востребованной оказывается присущая и КПРФ социально-иерархическая модель, в рамках которой правящие круги (**чужой**) предстают в образах верховных правителей феодально-абсолютистской монархии, за счет чего актуализируется концептуальный признак ‘тоталитаризм’ (*Но ни один из давно и прочно дискредитировавших себя „царьков“ не снят с должности; Идея превращения „Владимира Владимировича Красно Солнышко“ (Путина) в царя, впрочем, не нова; Мы не хотим превращаться в оффшорную аристократию; А у нас сводится все к одному всегда: есть царь, и есть весь остальной народ; Крупный акционер — царь и бог, он решает все*), а отношения представителей власти между собой ассоциируются с отношениями в родовой общине или барской усадьбе (*Совет Федерации может пополниться еще одним представителем „питерской диаспоры“; Дикий капитализм породил племя региональных феодалов и барчуков; Такую экономику в принципе невозможно построить силами феодальных крепостных и тоталитарных рабов, в которых некоторые политические силы и властные кланы настойчиво хотят превратить граждан России*).

С помощью метафор правые СМИ также подчеркивают деструктивный и агрессивный характер деятельности власти («чужих») по отношению к «своим», но, во-первых, в роли «своих» обычно выступает не только вся страна, но и либеральная оппозиция (причем второй вариант более регулярен), а во-вторых, для этих целей чаще всего используется не зооморфная модель, а метафора пути: «чужие» мешают, препятствуют поступательному движению «своих» (ср.: *Партии кремлевского толка стараются как можно скорее довести Россию до ручки, до бездны; И поэтому в нашей победе объек-*

тивно заинтересованы абсолютно все, в том числе и те, кто голосует против нас, в том числе власть, которая **ставила и будет ставить препоны на нашем пути**). Показательно, что эта же модель может применяться по отношению к «чужим» — левой оппозиции (**А коммунисты только и делали, что совали палки в колеса**). Не менее активно используется характеристика политики власти как топтания на месте или движения в «никуда»: **С точки зрения развития страны это стратегический тупик; Государство делает шаги, заводящие его в тупик; Ситуация должна их ставить в тупик, потому что для них это тупик явный; <Проблемы> будут решаться? Или опять будет топтание на месте?; К „факторам торможения“ процесса модернизации сегодня, на мой взгляд, относятся: 1) распоряжающийся национальными ресурсами правящий консолидированный класс коммерческой бюрократии...**

В отличие от коммунистической прессы, либералы для актуализации признака 'недееспособность' активно пользуются биоморфной метафорической моделью, в которой «чужая» власть предстает в образе больного, немощного человека, часто страдающего психическим заболеванием: **Время от времени она возникает в воспаленных от любви к вождю (Путину) мозгах некоторых представителей общественности и отдельных политиков; Бессилие власти — насилие в обществе!; Наука и высокотехнологичная экономика не могут развиваться в удушливой политической атмосфере; <запретительная мера власти> отражает только слабость и маразм тех, кто боится.**

Метафорический способ репрезентации **чужого** в массмедиа правой оппозиции имеет еще одну особенность. Если коммунисты регулярно используют хотя и хлесткие, но грубовато-сниженные средства из арсенала газетных штампов советской пропаганды, то либералы чаще прибегают к индивидуально-авторским развернутым метафорам, ориентированным на прецедентные тексты интеллигентной аудитории. В частности, характеристика «чужих» (власти, конкурирующих партий левого и правого толка) может строиться на обыгрывании европейских средневековых сказок, легенд об Артуре и рыцарях Круглого стола, философски-сатирических сказок Е. Шварца (впрочем, и то и другое хорошо известно широким слоям россиян благодаря культовым отечественным и голливудским фильмам).

При формировании таких метафорических блоков может использоваться несколь-

ко типов образов, но все они, как правило, включены в единую систему и не противоречат друг другу, например: **Но сперва надо самим сделать работу Ланцелота, не надеясь на его возвращение — избавить город от бургомистров и генрихов.** В данном случае демократические силы предстают в образе узнаваемого по культовому телефильму «Убить дракона» рыцаря Круглого стола Ланцелота, тогда как современная власть «чужих» — в маске жестокого и коварного средневекового бургомистра (из этой же телесказки), а также английского монарха Генриха (это и деспотичный герой шекспировских хроник, и исторический английский король Генрих VIII — жестокий, расчетливый, вероломный тиран, заботившийся о собственной выгоде и готовый ради нее на любые жертвы).

В либеральной печати представлена и тонкая ирония (обычно по отношению к «чужим» из правого блока), например: **Посмотришь на инога из „коллег“ (представители СПС и «Яблоко» в интерпретации «Свободной России») — вылитый Охотник из пьесы Е. Шварца „Обыкновенное чудо“, персонаж, который давно перестал охотиться и целиком отдался борьбе за признание себя самым метким стрелком.** Однако именно по отношению к «своим чужим» либералы допускают и более грубые стилистические приемы, актуализируя те же компоненты, что отмечались в околядерной зоне концепта — 'псевдодемократизм', 'эгоизм', 'бездеятельность' и 'нежизнеспособность', ср.: **К сожалению, „старые“ демократы — СПС и „Яблоко“ — доверия больше не вызывают. Для меня это такие достойные музейные экспонаты. Достойные — подчеркиваю, — но музейные; Борьба за выяснение, кто демократ в большей степени и у кого демократия длиннее, в итоге превратила их в аморфные структуры (намек на грубоватые мужские «соревнования» по длине пениса).**

Итак, как показывает анализ, периферия является самой индивидуальной и разнообразной зоной концепта **чужой** в современной оппозиционной прессе. Она представлена разнообразными концептуальными признаками в зависимости от направления оппозиции. Так, **чужие** в восприятии коммунистов не только отвергают идеалы социализма и коммунизма, но сами не обладают никакими ценностями или принципами. Ради собственной выгоды они способны на предательство, воровство или пренебрежение человеческими ценностями. Либералы в большей степени ориентированы на негативную, но достаточно объективную харак-

теристику социальных и идеологических признаков **чужого**, причем как власти, так и своих конкурентов по правому блоку.

Кроме того, можно отметить бóльшую ориентацию на газетные штампы советского периода у коммунистов. Либералы также не избежали этого, но в их СМИ фиксируются и индивидуально-авторские развернутые метафоры, и ирония.

В целом оппозиционные массмедиа содержат четкую позицию, в соответствии с которой партии определяют своих идеологических противников и конкурентов на выборах — **чужих**. Центральное положение в данном концепте принадлежит власти и «Единой России». Для коммунистов это также крупный капитал и правые партии, для демократов — конкурирующие либеральные и демократические партии.

Как и при реализации концепта **свой**, концепт **чужой** в современной оппозиционной прессе неоднороден по своей структуре. Так, в структуре исследуемого концепта находят отражение признаки как общие, так и специфичные для каждого направления оппозиции. В целом **чужой** характеризуется большим разнообразием, дробностью и специфичностью в системе представленных признаков, во многом специфичных для конкретного направления оппозиции. Общим же является то, что оппозиция использует концепт **чужой** для прояснения собственной позиции, выражения отношения к социальной, политической обстановке в современной России, а также для оценочной характеристики своих оппонентов.

ИСТОЧНИКИ

1. *Газета.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru>.
2. *Гражданская платформа*. URL: <http://civilplatform.ru>.
3. *Независимая газета*. URL: <http://www.ng.ru>.
4. *Новая газета*. URL: <http://www.novayagazeta.ru>.
5. *Новейшие времена*. URL: <http://www.newst.ru>.
6. *Новые известия*. URL: <http://www.newizv.ru>.
7. *Правда*. URL: <http://www.gazeta-pravda.ru>.
8. *Союз правых сил*. URL: <http://www.sps.ru>.
9. *Яблоко*. URL: <http://www.yabloko.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

10. *Балашова Л. В.* История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2011.
11. *Бойко М. А.* Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирова-

ния коллективной идентичности СМИ // Политическая лингвистика. 2005. № 17. С. 163—178.

12. *Будаев Э. В., Чудинова А. П.* Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

13. *Бутакова Л. О., Кучинская Е. В.* Смысловое поле «свой — чужой» как компонент современного русского языкового сознания // Новое в когнитивной лингвистике. Сер.: Концептуальные исследования. — Кемерово: КемГУ, 2006. Вып. 8. С. 321—332.

14. *Бушев А. Б.* Политический дискурс в материалах периодической печати фактографических и художественных жанров // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 72—82.

15. *Выходцева И. С.* Концепт *свой — чужой* в советской словесной культуре: 20—30-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2006.

16. *Красильникова Н. А.* Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории *свой — чужие* в экологическом дискурсе США, России и Англии / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

17. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1996.

18. *Нехорошева А. М.* Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140—145.

19. *Петрова М. Л.* Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX—XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

20. *Пудова Е. А.* Концепт «Чужие» как базовый концепт политического дискурса «Объединение Германии» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 96. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chuzhie-kak-bazovyy-vyu-kontsept-politicheskogo-diskursa-obedinenie-germanii#ixzz2lMcM56Dc>.

21. *Санцевич Н. А.* Различие метафорических моделей и оппозиция «свой — чужой» в немецкой периодической печати как один из параметров вариативности языковой картины мира // Политическая лингвистика. 2003. № 11. С. 171—192.

22. *Сахно С. Л.* Свое и чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М. : Наука, 1991. С. 95—101.

23. *Синельникова Л. Н.* Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34—39.

24. *Степанов Ю. С.* Словарь русской культуры. — М. : Языки русской культуры, 1997.

25. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева